

Светлана Пугач

Продолжение зимнего романа

Мирон Петровский в книге «Мастер и Город», в главе восьмой «Миф о Городе и мифологическое городоведение», указывает на несовпадение пространства булгаковского Киева и пространства города в романе «Белая гвардия». Булгаковская игра с пространством и временем делает очевидной «присутствие каких-то дополнительных неэвклидовых измерений».¹

«Но пробежав ярусы, сады и калитки (всех по три, как в сказке), женщина в черном, явившаяся в «момент чуда» выводит Турбина куда-то «высоко и далеко от роковой Провальной» — наперекор всем законам физики, но в полном согласии с мистическими законами булгаковской фантастики».²

Эта булгаковская игра со временем и пространством выходит за рамки самого романа, это предполагают вечные темы, затронутые в романе.

Время изменяет город, перекраивает сады, убирает калитки, но булгаковское пространство остается вечным: дом, семья, книги, места, связанные с детством и юностью. Изменяются улицы, описанные в романе, старые дома исчезают, новые появляются. Бульжная мостовая, возможно, навсегда исчезнет, но изгиб одной из самых старых улиц, проложенной по оврагу, изменить сложно. Нельзя изменить судьбу, которая поселила семью Булгаковых на середину Андреевского спуска:

© Svetlana Pugach, 2012

<http://www.utoronto.ca/tsq>

¹ Петровский М. *Мастер и Город: Киевские контексты Михаила Булгакова*. К, Дух і Літера. 2001. С. 253–254.

² Там же. С. 255.

«наивыгоднейшую, наиболее приятнейшую точку обзора этого мира»³, — как утверждает М. Петровский. Да и сам дом, навсегда приютивший героев романа, ставший свидетелем многих событий и судеб, по праву стал музеем не только Михаила Булгакова, но целой эпохи. Пространство булгаковского Киева и пространство города в романе раскручивается, как пружина часов. Исторический перелом в судьбе Города и его жителей оказывается только частью истории, начавшейся задолго до событий. И хотя прошло уже немало лет, пространство романа до сих пор живет по своим, заложенным в него Мастером, великим законам. Крушение судеб, семей и нескольких поколений, долгим эхом отзывается в истории.

Находка, сделанная в доме, когда он уже получил статус музея, и отложенная на двадцать три года, как не относящаяся к семье Булгаковых, вывела на людей, чьи судьбы странным образом оказались связанными с судьбой дома, романом «Белая гвардия» и музеем.

Дом на Андреевском спуске, еще до вселения в него семьи Булгаковых в 1906 году, оказывается, уже хранил свои тайны. Во время реставрации дома-музея, в 1989 году, обнаружили весьма необычные находки. И среди них письма, найденные на чердаке. Вот как об этом пишет Дмитрий Васильевич Малаков, архитектор, известный киевовед, бывший зам. директора по научной работе Музея истории города Киева (1997—2007), ныне старший научный сотрудник Музея истории города Киева, в своей публикации «Находки в булгаковском доме»: „Когда оставался последний возможный для находок закуток — узкое пространство под огромной толстой доской, на которую опирался продольный печной дымоход на чердаке, — находка не замедлила оказаться в руке, оправдав предчувствия. Еще не извлеченный на свет, тот сверток ясно представлялся пачкой писем. Чьих? Да, то была толстая пачка писем, сложенных в фирменный конверт петербургского фотографа Ю. Штейнберга. Увы...письма, подписанные

³ Там же. С. 261.

кн. С. Мещерской, адресовались некоему Василию Васильевичу Мишину. Дат не было. Лишь на двух конвертах стояли четкие почтовые штемпели: г. Черкассы Киевской губернии и г. Зеньков Полтавской губернии, датированные 1897 и 1898 годами. Мельчайший почерк, упреки в поздних признаниях, сетования на ушедшие годы... Происхождение этой переписки, явно от кого-то спрятанной, но, к сожалению, по-видимому, не имеющей отношения к Булгаковым, пока установить не удалось...⁴

Спустя 22 года, когда к 120-летию юбилею М. Булгакова научные сотрудники музея начали работу над созданием книги о доме, в котором создан его музей и в котором проживала семья Булгаковых, все возможные материалы, связанные с домом, пересматривались, вычитывались, все новое готовилось к публикации. Конечно, и находка, которая была отложена, как не относящаяся к Булгаковым, должна была быть прочитана, вернее, расшифрована. И вот тут оказалось, «что все, что ни происходит, всегда так, как нужно, и только к лучшему»⁵, т. е. происходит вовремя. Не только потому, что новые технологии помогли прочесть рукописи, но и потому, что взгляды М. Булгакова на события гражданской войны, предсказывали еще долгое эхо. И после смерти писателя судьба как бы продолжала сочинять сюжет, начатый Булгаковым в 20-е годы XX столетия, почти окончив его в XXI веке в доме, где навсегда остались жить литературные герои романа «Белая гвардия» и где теперь находится музей писателя.

Когда разбирались старинные письма, отличающиеся от сегодняшней грамматики, написанные поперек и поверх основного текста, а также переводились некоторые фразы на французском, не покидало ощущение, что распутываешь ниточки чьей-то жизни. «Связь времен» на самом деле не прерывается, она — «на прочной нити времени, протянутой в уме!»⁶.

⁴ Малаков Д. *Находки в булгаковском доме*. К., Collegium № 1—2. 1995, с. 175.

⁵ Булгаков М. *Белая гвардия*. М., Современник, 1988. С. 7.

⁶ Брюсов В. *Фонарики. 1904*. М., Худ. Литература, 1957. С. 147.

То, что произошло после гражданской войны, имеет начало в XIX веке. То, что происходит в булгаковской Москве 30-х гг., начинается задолго до этого в Иерусалиме. Эту связь времен М. Булгаков чувствовал, не случайно его герой Мастер — историк, музейщик.

Как оказалось, эта переписка состояла из писем и записок Василия Васильевича Мишина и княгини Софьи Сергеевны Мещерской. Из содержания переписки следует, что *по требованию, все его послания были ему возвращены*. По видимому, все тщательно им хранилось, поэтому можно прочесть почти все, хотя от времени бумага пожелтела и потемнела, на ней появились пятна и потертости, даже заломы и надорванные фрагменты. Из содержания ясно, что среди писем В. В. Мишина есть черновики и возвращенные письма, аккуратные, повторяющие содержание черновиков, и в некоторых местах выправленные. Одно письмо было легче всего разобрать. На нем дата 25 января 1897 год. Написано оно женщиной и подписано А. Юргенс. В нем намек на события 24-летней давности, следовательно, на 1873 (или 1872) год. На одной из записочек, написанных чернилами и подписанных А. Юрениной, карандашом сверху написано: № 26 й. 30 март 72 г. Есть еще одна записочка карандашом, только вот дата надписана сбоку чернилами, видимо, самим В. Мишиным — 1871. Итак, события конца 60-х — начала 70-х годов были тщательно упакованы и спрятаны в 90-х гг. XIX века, в том самом доме № 13, в котором впоследствии, с 1906 по 1919 проживала семья Булгаковых.

Поскольку все письма и записки были перепутаны, предварительный разбор составил всего 62 единицы, среди которых есть крошечные записочки и многостраничные письма. При распечатке текста получилось 92 страницы. Из 62 автографов только 1 письмо и 2 записки не относятся к переписке Мещерской и Мишина.

Самое потрясающее то, что все письма Софьи Сергеевны Мещерской и письма Василия Васильевича Мишина к ней — это непродолжительная переписка в течение зимы. Упомина-

ются числа 13—25 января. Надо же, еще один «зимний роман»! «Белая гвардия» М.Булгакова начинается вечером 12 декабря и заканчивается в ночь со 2-го на 3-е февраля 1919 года. Итак, зима, Париж XIX века (письмо № 22). В одном из писем Софья Сергеевна указывает свой возраст — 17 лет. Исследование, проведенное на основании содержания писем, в которых упоминаются мать — княгиня Марья Владимировна (Апраксина) и младший брат — Василий Сергеевич, а также дядя — Иван Сергеевич, точно указывает на Софью Сергеевну Мещерскую, рожденную в 1850 году, следовательно, переписку можно датировать 1867—1868 годом!

Семья Мещерских проживала в одном из аристократических районов Парижа — Пасси. В письмах говорится о прогулках верхом. Булонский лес — тогда любимое место для прогулок верхом на лошади — находится поблизости. Сам Мишин жил тоже в Пасси по адресу: Ru de la Pompe, 80, Hotel Meble, № 4 Mr Michine. Пишут о прогулках по Champs Elises, о колясках и омнибусах, упоминают города Remy, Рюдестейм (Рюдесхайм — на Рейне), пишут о гимназии, к которой готовят младшего — Васю Мещерского, вспоминают имение Ошейкино под Москвой, куда будут ехать летом. В. В. Мишина, который занимается с Васей, с собой в Москву не берут и собираются ему отказать от места, так как он безумно влюблен в юную графиню, и все эту страстную влюбленность в доме уже заметили и заволновались. Вместо Мишина решено пригласить некоего Метельского, который якобы приятный молодой человек и прекрасно играет на скрипке. „Вы говорили о нем всегда с сочувствием и называли очень веселым и милым молодым человеком, который прекрасно играет на скрипке, и Вы, конечно, решили уже покорить его сердце“ (№ 24, лист 4).

Михаил Булгаков в романе «Мастер и Маргарита» написал о „настоящей, верной, вечной любви“. Но здесь другое. Из содержания писем явствует, что речь идет о безнадежной, несчастной любви, утопающей в ревности и намерении быть

друзьями, но намерения эти невыполнимы, так как это тот самый любовный треугольник, когда он любит ее, а она любит другого (князя Георгия Шервашидзе), который вообще ни о чем не догадывается. В одном письме (№ 26) С. Мещерская напоминает В. Мишину, который считается близким другом князя, чтобы он не забыл, что он друг, особенно 23 апреля (это день Георгия Победоносца) — именины князя. При этом безответно влюбленный В. В. Мишин хочет не упустить шанса быть полезным и устроить брак и счастье своей возлюбленной с тем, в кого она влюблена.

Юная княгиня пишет: „...я столько перестрадала, что с ужасом буду вспоминать эту зиму“ (№ 26). Но это все же мягкая парижская зима. Судьбы героев «Белой гвардии» тоже решаются зимой. Причем очень снежной, холодной, вьюжной, как у Пушкина в «Капитанской дочке».

70-е гг. XIX века в Париже — время импрессионистов, и, глядя на их полотна, видишь очаровательных женщин с тоненькими талиями в платьях с оборками. Корсет в письмах упоминается настолько часто, что начинает надоедать сама тема выяснения обстоятельств, при которых тогда ставили банки (№ 24, лист 4). Василий Васильевич оказывается подозрительным интриганом. Он не просто влюблен, а страстно влюблен и ревнует даже к семейному доктору. «Дело о корсете» или «Дело о банках», как в шутку назвала его сотрудница нашего музея Ольга Савицкая, сводится к тому, что Софья Сергеевна должна признаться домашнему учителю в письмах или словесно в том, что доктор за ней ухаживает и в том, чего, скорее всего, никогда не было. С Мишиным она должна быть абсолютно искренней, тогда он, как очень близкий ее друг, сможет способствовать тому, что князь обратит на нее внимание и женится на ней. Но требования господина Мишина вынуждают юную княжну сильно страдать. Юное сердце княгини не может поверить в то, что большое воображение безнадежно влюбленного превращается в манию и агрессию, направленную против нее.

Все было бы смешно, если бы не было так грустно. Эта история о любви, которая может помешать быть счастливыми абсолютно всем: Софье Мещерской, господину Мишину, князю Шервашидзе. Даже всем домашним в семействе Мещерских от этой любви невесело.

Василий Васильевич Мишин в письме А. Юргенс тоже предстает не в лучшем свете, она пишет: „Меня ужасно удивляют Ваши письма, право Вы такой умный человек, а не хотите понять, что я теперь не та глупенькая девочка, какой была 24 года тому назад“. И далее: „Жестокость не с моей стороны, а с Вашей, разбить жизнь неповинной женщины, притом которая Вас любит, не говоря уже как мужа, но и как отца детей; разве это не жестоко. Вы упрекаете что я разбила Вашу жизнь, чем же скажите ради Бога? Вы имеете прекрасную жену, прелестных детей, занимаете видное место, и это называете разбитой жизнью; стыдитесь“. Две записочки, подписанные «А. Юренина» тоже несут отпечаток обреченности и страданий.

Вирджиния Вульф, современница Михаила Булгакова, в эссе „Женщина в зеркале“ очень точно характеризует подобную переписку: „...и тот, у кого хватило бы дерзости выдвинуть ящик и прочесть ее письма, нашел бы там следы многих треволнений: назначенные свидания, сетования на то, что свидания не состоялись, длинные письма с выражением чувств, резкие письма, полные ревности и упреков, страшные слова окончательного расставания...“⁷

В одном из писем В. Мишин говорит, что не хотел бы, чтобы его письма были кем-либо прочитаны, даже через 100 или 200 лет. Поэтому, вряд ли эти письма когда-либо будут напечатаны, ведь, как писал М. Булгаков в «Театральном романе»: „Героев своих надо любить“.

Но надо отдать должное этому человеку из прошлого, обитателю дома на Андреевском спуске, 13 в 90-х годах XIX века. И процитировать кое-что из того, что было написано в Париже в Пасси, когда ему было 20 с небольшим:

⁷ Вирджиния Вульф *Избранное*. М., Худ. Литература, 1989. С. 460.

— Да, я Вас к нему ревную ужасно, потому что люблю Вас сильно, пройдет ревность, не будет и любви. Моя любовь к Вам есть несчастье для меня (№ 21)

— я, к несчастью вас люблю больше, нежели думал; я никогда Вам не говорил этого; но пусть не будет между нами недоразумений; знайте же, что я люблю Вас безумно, бесконечно, больше всего не свете, больше своей жизни. Когда пришлось расставаться с Вами, я понял как я Вас люблю и убедился, что не могу жить и не видеть Вас. (№ 23)

— Вы сами виноваты, что я вас люблю: не говоря уже о том, что Вы прелестны и хороши, как Творчество, Вы первая в Ошейкино стали выказывать мне расположение; но я вовсе не упрекаю Вас за это, потому что не способен упрекать Вас за счастливые минуты моей жизни. (№ 23)

— Ваше расположение ко мне считал всегда кокетством и никогда не воображал, что вы меня любите, зная, что блаженство и счастье такое величайшее на земле не бывает. Зная, что вам Шервашидзе нравится, я, как Вам известно, употреблял все возможные усилия, чтобы Вы ему понравились и чтобы он женился на Вас, хотя сам бесконечно любил Вас; но моя любовь к Вам выше эгоизма; сам на Вас жениться я не мог и не женился бы и в том случае, если бы Вы меня любили и хотели этого, потому что не решился подвергнуть свое самолюбие оскорблениям от Ваших родных и Вас сделать несчастною поссорив с родными. (№ 23)

— Если бы я был постарше, то вы никогда и не узнали бы, что я Вас люблю, но в 20 лет с небольшим трудно скрывать свои чувства, и довольствуясь одним обожанием в душе, отказываться от поцелуев, которые были очень невинны, также как и некоторые вольности с моей стороны. (№ 25)

— Право во всем этом ничего не было дурного и преступного: человек кроме души имеет кровь, мускулы, нервы, которых любовь опьяняет, раздражает и увлекает, иногда за пределы того, что принято (подчеркнул как смешное слово). Уверяю вас, что если бы Шервашидзе узнал обо всем этом от

меня, то не имел бы основания сердиться на меня (и на Вас) за невинное ухаживание в котором сам наверно бывал виноват. (№ 25)

Эти романтические монологи разбавлены и стишками в духе популярного тогда журнала „Стрекоза“:

Ядовиты мои речи,
Много жолчи в них и зла,
Но не ты ли, друг мой яду
В жизнь и в сердце мне влила

Ядовиты мои речи,
Но вина в том не моя:
Много змей носил я в сердце,
Злую ж самую — тебя! (№ 24, лист 3)

Софья Сергеевна, княжна Мещерская (1850—1944), была дочерью Сергея Васильевича Мещерского (1828—1856) и Марии Владимировны Апраксиной. Десять лет спустя описанных выше событий в Париже, в 1876 году она вышла замуж за генерал-лейтенанта Игнатьева Алексея Павловича и родила ему троих сыновей и двух дочерей. В 1885 вся семья отправилась в Иркутск, куда был назначен А.Игнатьев генерал-губернатором.

Строительство дома на Андреевском спуске началось в 1888 году. В 90-х гг. дом был перепродан и квартиры в нем сдавались. Тогда же, на чердаке дома была спрятана пачка писем, найденных только в 1989 году.

С 12 августа 1889 года по 7 декабря 1897 года А. П. Игнатьев был Киевским генерал-губернатором. Он стал инициатором создания Городского музея древностей и искусства на Александровской улице, который и был построен в 1899 году архитектором В. В. Городецким. В годы его правления был поставлен вопрос о создании в Киеве Политехнического института. Губернатор присутствовал на открытии 20 июля 1891 г. конной железной дороги протяженностью 12,8 версты на улицах Крещатик и Большая Васильковская. А в 1892 году по Алек-

сандровскому спуску началось движение первого в России пассажирского электрического трамвая. В 1895 году в Киеве в одноэтажном доме № 28 по улице Фундуклеевской был открыт приют для приема и призрения питомцев (подкидышей). Его попечительницей была графиня Софья Сергеевна Игнатъева.

После трагической смерти мужа (Игнатъев был убит эсером в Твери 9 декабря 1906 года) С. С. Игнатъева жила в Петербурге, играла видную роль в церковно-синодальных кругах. В её салоне собирались многие архиереи, церковные, правительственные и общественные деятели консервативного направления. Нередко С. С. Игнатъеву характеризовали как „влиятельную покровительницу церкви“. Свою долгую жизнь графиня закончила в эмиграции, в Париже 28 февраля 1944 года. Париж был освобожден в августе 1944 года.

Старший сын С. С. Игнатъевой — Алексей Алексеевич Игнатъев, военный дипломат и писатель, генерал-лейтенант, автор воспоминаний «Пятьдесят лет в строю», в которых в 4-й главе «Киевские кадеты» описал свою учебу в Киеве. Именно с ним встречался после публикации своей повести „В окопах Сталинграда“ (1947 г.) Виктор Платонович Некрасов, написавший об этой встрече годы спустя в очерке „Маленькие портреты. Игнатъев“. В письме к В. Некрасову А. Игнатъев писал: «Люблю, как и Вы, родной Киев. Привет ему от старого киевского кадета».

В другом очерке — „Дом Турбиных“, опубликованном в восьмом номере журнала «Новый мир» (1967 г.), В. Некрасов открыл всему миру дом Булгаковых. События страшного 1919 года принесли горе и в его семью: старший восемнадцатилетний брат Коля погиб в Миргороде, в один из приходов красных. При обыске у него нашли французские книги, приняли за шпиона и убили, засекали шомполами, тело бросили в реку.

К 100-летию М. Булгакова в Киеве-Городе открылся музей. К 100-летию В. Некрасова в этом же доме, в цокольном этаже открылась постоянная выставка, посвященная ему, открывше-

му этот дом. За право иметь собственную творческую и гражданскую позицию М. Булгаков заплатил невозможностью печататься и ранней смертью, а В. Некрасов лишился гражданства и умер за границей. Но был еще один — А. Игнатъев. Он был болен любовью к родине и глух к искушениям. Единственный распорядитель государственного счета России в „Банк де Франс“ с 1914 года, проживая во Франции после революции, он сохранил эти денежные средства (225 млн. руб. золотом) и в 1924 передал их советскому правительству. За это пришлось дорого заплатить: со стороны эмигрантских кругов были травля, угрозы, заговор, от которого спасла случайность. От него отказалась семья, даже мать. Однажды А. Игнатъев сказал: «Если быть большевиком означает быть русским — то я большевик».⁸ В 1926 году А. Игнатъев получил службу в торговом представительстве в Париже. И только в 1937 году, получив Советский паспорт, он смог вернуться с женой на родину. По какой-то, опять-таки, иронии судьбы, бывший военный атташе, профессиональный военный, тоже стал писателем: член Союза писателей с 1940 г., старший редактор военно-исторической литературы Военного издательства. Получил звание генерал-лейтенанта в 1943 году. Моральной, да и материальной поддержкой для Игнатъева стал выход в свет его знаменитой книги „Пятьдесят лет в строю“. Имя „красного графа“ приобрело громадную известность. Но было и другое. В. Некрасов даже не догадывался, каких усилий потребовалось жене А. Игнатъева, Наталье Трухановой, чтобы все выглядело пристойно: «Сервировка была поистине княжеская, вернее, графская — сплошной крахмал, фарфор, серебро и хрусталь. Вина, водки, коньяк, ликеры».⁹ Насколько Игнатъевы нуждались, можно судить по тому, что, в конце концов, жена продала их обручальные кольца.¹⁰

⁸ Игнатъев А. *Пятьдесят лет в строю*. М., Художественная литература, 1959. Т. 2. С. 374.

⁹ Некрасов В. *В жизни и в письмах. Маленькие портреты. Игнатъев М.*, Советский писатель. 1971. С. 192.

¹⁰ Третьякова Л. *Остальная верста*. Вокруг света. М., № 3 2001.

Киев — особенный город — влетаясь в судьбы, не может не оставить «киевские контексты», по выражению М. Петровского, в творчестве или в жизни каждого художника, каждого человека. Теперь киевский дом и музей М. Булгакова хранит память не только о семье писателя, о пережитом в стенах этого дома, но и о времени, в два века длиной. Кто бы мог подумать, что такое острое ощущение Булгаковым перелома времен в эпоху гражданской войны, отзовется и в находке этого дома, спрятанной на чердаке. И беспечальная юность Софьи Мещерской, проведенная в зимнем Париже конца 60-х годов XIX века, пусть и омраченная претензиями домашнего учителя и несбывшейся мечтой об „идеальном Князе“, обернется изгнанием и разделением семьи и, пережив трагическую смерть мужа, придется отказаться от сына, признавшего советскую власть, чтобы можно было ей, уже старушке, посещать русскую православную церковь в Париже на рю Дарю.